

УДК/UDC 165

Существование социальной реальности: нарративы и события

Герасимов Сергей Викторович

кандидат педагогических наук, доцент кафедры коммуникационных технологий
и связей с общественностью

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

г. Санкт-Петербург, Россия

e-mail: votje82@mail.ru

SPIN-код: 2759-1538

Аннотация

Человеческая цивилизация неразрывно связана с непрекращающимся процессом генерации социальной реальности. Социальная реальность возникает в пространстве публичных коммуникаций, ее создание, сохранение и изменение являются результатом деятельности отдельных людей и социальных групп. При этом социальная реальность представляет собой в т. ч. систему передачи коллективного опыта и обучения новых участников. Возникает динамическая система взаимного влияния социальной реальности и общества. Люди придают значения и смыслы сущностям и событиям, создают конвенциональный мир знаково-символического пространства для удовлетворения потребностей членов социума. Создание и существование социального пространства происходит в языковой среде, состоящей из речевых актов, перформативов. В статье рассматривается вопрос о том, какую роль играют события и нарративы в процессах концептуализации образа мира, создании, изменении и сохранении социальной реальности, а также в структурировании системы правил, применении этих правил, создании логических связей и практическом существовании социальной реальности.

Ключевые слова: перформативы, нарративы, социальная реальность, смыслообразование, публичные коммуникации, текст, событие.

The Existence of Social Reality: Narratives and Events

Gerasimov Sergey Viktorovich

Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor of the Department of Communication Technology and Public Relations

Saint Petersburg State University of Economics

Saint-Petersburg, Russia

e-mail: votje82@mail.ru

SPIN Code: 2759-1538

Abstract

Human civilization is inextricably linked with the ongoing process of generating social reality. Social reality arises in the space of public communications. Its creation, preservation, and changing are the result of the activities of individuals and social groups. Moreover, social reality is also a system for transferring collective experience and training new participants. A dynamic system of mutual influence of social reality and society arises. People attach meanings to entities and events, create a conventional world of sign and symbolic space to meet the needs of the members of the society. The creation and existence of a social space takes place in a linguistic environment which consists of speech acts, performativities. The article examines the role of events and narratives in the processes of conceptualizing the image of the world, of creating, changing, and preserving social reality, as well as in structuring the system of rules, applying these rules, creating logical connections, and practical existence of social reality.

Key words: performatives, narratives, social reality, semantic formation, public communication, text, event.

Социальная реальность создается, сохраняется, репродуцируется и распространяется в пространстве публичных коммуникаций. Действительность формирует социальную реальность через рефлекссию отдельных людей и рефлекссию групповую. Этот процесс происходит непрерывно, обновляясь вслед за изменением связей сущностей и событий, происходящих в действительности. Система коммуникаций в публичном пространстве связана с удовлетворением потребности социума в совместной

деятельности, генерацией и трансформацией ценностно-нормативной системы, групповой реакцией на события, сохранением и передачей индивидуальных и коллективных опытов. Система публичных коммуникаций в идеальном случае представляет собой пространство, где каждый желающий может выступить в роли автора, критика, читателя, пересказчика и т. д. Подобная конструкция представляет собой открытую сетевую систему, в которой интегрированы каналы обмена, обработки, перераспределения, хранения и трансляции информации. «Сети представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации в рамках данной сети, т. е. используют аналогичные коммуникационные коды» [1].

Основу современной дискуссии по созданию социальной реальности составили произведения Ф. Бэкона, Т. Дезами, Э. Кабе, Т. Кампанеллы, Дж. Локка, Дж. Милля, Т. Мора, Р. Оуэна, Ж. Ж. Руссо, К. Сен-Симона, А. Смита, Ш. Фурье, Д. Юма. В XX в. и в новейшей истории можно отметить работы Дж. Агамбена, Дж. Бьюкенена, Т. Веблена, Ж. Делеза, Ж. Дерриды, А. Камю, Т. Куны, П. Курца, И. Лакатоса, Б. Латура, Дж. Мура, Ж. П. Нанси, К. Поппера, В. Райха, Дж. Серля, Э. Тоффлера, Э. Фромма, М. Фуко, Ф. Фукуямы, Ю. Хабермаса, М. Хайдеггера, Р. Холмса, Т. де Шардена, Л. фон Штейна, К. Ясперса и др. Среди сочинений русскоязычного пространства необходимо отметить работы М. М. Бахтина, С. Т. Золяна, И. А. Ильина, Л. П. Карсавина, А. А. Леонтьева, А. Ф. Лосева, Н. О. Лосского, Ю. М. Лотмана, В. В. Розанова, В. С. Соловьева, Г. Л. Тульчинского, Н. Ф. Федорова, С. Л. Франка, Г. Г. Шпета, М. Н. Эпштейна и др.

Постоянный генезис социальной реальности возможен благодаря двум областям: ядру и периферии. Периферия находится в постоянном изменении, связанном с изменением действительности и изменением отношения социума к действительности под воздействием многих факторов, например научный прогресс, социально-культурное развитие, катаклизмы, войны и другие потрясения. Ядро социальной реальности содер-

жит отобранный и осмысленный опыт социальной группы, концепт реальности. Такое ядро аккумулирует в себе основные поведенческие паттерны, при этом оно максимально консервативно. Описание концепта реальности можно найти у многих исследователей. «Концепты возникают в сознании человека не только как “намек на возможные значения”, “алгебраическое их выражение”, но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом — поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т. д.» [2]. Существенна связь концепта реальности с языком как с необходимым условием ее существования [3]. М. М. Бахтин обращал внимание на то, что хранение информации и обработка своего и чужого опыта человеком, его «дух» представляются в форме текстов. Человек европейской культуры мыслит, создает знание и ценности через текстовую форму. «Дух (и свой, и чужой) не может быть дан как прямой объект естественных наук, а только в знаковом выражении, реализации в текстах и для себя самого, и для другого» [4]. Формирование текста происходит через личностное и коллективное осмысление событий, протекающих в действительности и отражающиеся в социальной реальности.

Термин «событие» как источник изменения и совершенствования социальной реальности используется всеми науками (гуманитарными, естественными и точными) и имеет много вариантов определения. В этом смысле событие - один из главных элементов смысловой картины мира, отвечающий за ее онтологическое основание [5]. Процессы осмысления действительности предполагают построение различных текстов: описаний, нарративов, баз данных, зависимостей, основную роль в которых играют конкретные события.

В процессах конструирования социальной реальности событийный ряд служит источником развития социальных сюжетов. Например, расположение событий в нарративной последовательности соотносится с историческим процессом и историей, при этом история понимается и как наука, и как отдельно взятый сюжет. События служат опорными точками и метрикой социальному пространству. Социум в создании текстов

использует время, часто обозначая его до события, после события, между событиями и т. д. На событийном пространстве рассматриваются процессы развития социальной реальности, ее анализ, создание ценностно-нормативных моделей, концепта. Все сферы человеческого общества развиваются с помощью и благодаря событиям, которые обращают на себя внимание, создают коллективную память, вырабатывают общественное мнение, фиксируют картину мира. Событие как явление, формирующее социальный опыт группы, рассмотрел А. Бергсон [6]. А. Н. Уайтхед предложил рассматривать события как основной элемент строительства реальности, как пространственно-временные происшествия [7]. Б. Спиноза представил события как причинно-следственную основу пантеизма, он утверждал, что в этом мире не существует ни одной реальности, ни одной формы, единицы и элемента, у которой бы отсутствовала событийность [8]. Бергсон через понятие «Durée» (протяженность, длительность), а Хайдеггер [9] через «Dasein» определяют событие как являемость бытия, как «вот-бытие» или «здесь-бытие». «Событие не принадлежит к порядку реальности. Мысль здесь ориентируется на отличие события от его текущей имитации, которую можно назвать фактом... Событие есть то, чего недостает фактам, и то, что задает этим фактам истинность» [10]. С точки зрения М. Ю. Лотмана, событием в тексте является «перемещение персонажа через границу семантического поля» [11]. В понимании Аристотеля [12] событие представляет собой сущность, описывающую изменение в наборе наблюдаемых параметров других сущностей, и имеет свои идентификаторы - имена, уникальность и значения.

Возникающие события согласно Аристотелю могут становиться модальностями в тех случаях, когда возникает управляемый процесс, требующий подготовки, организации, проведения, завершения, переживания и т. д. Если рассматривать событие как сигнал, то оно определяется наличием передачи и приема некоторого множества знаков, упорядоченных в определенную систему. В этом случае событие характеризуется созданием парного множества, состоящего из источника и получателя сигнала. В случае социальной реальности восприятие сигнала идет че-

рез регистрацию его в пяти органах чувств, а также с помощью приборов, позволяющих выйти за пределы перцепции. В качестве простого события может выступать любой символ: дорожный знак, пароль, звук, движение и т. д. Под описание события как сигнала попадает неограниченное количество процессов. Для того чтобы сигнал стал событием, необходимо присутствие в системе источника и получателя сигнала. При этом принимающий обязан сигнал идентифицировать, релевантно перевести его в словесную смысловую форму, сопоставить с существующими нарративами. Естественные науки оперируют термином «сигнал» в тех случаях, когда речь идет о значимом изменении параметров системы, противопоставляя его процессам незначимым и фоновым.

Событию присваивается некоторый знак, который обязательно должен быть связан с другими событиями и сущностями через время и пространство и тоже знаковым способом. В результате конструируется последовательная система знаков, упорядоченная в пространстве и времени и читаемая всеми членами социума. Связь между действительностью и пространством, созданным из знаков, зависит от уровня развития общества, мастерства персонажей, создающих текст. Все процессы, протекающие в пространстве публичной коммуникации, возможны только за счет памяти. Память выступает, с одной стороны, как хранилище предыдущего опыта, процессов реакции на новые сущности и события и, с другой стороны, как фиксатор конечного результата, в основе которого находятся события. Как заметил Ницше, «опыт возможен только благодаря памяти; память возможна только благодаря сведению духовного события к знаку» [13].

Событие в процессе создания текста можно рассматривать с нескольких позиций. Прежде всего события бывают знакомыми по предыдущим историческим эпизодам. Такие события попадают в пространство коллективного сознания и проходят сравнение с прошлыми событиями, реакциями на эти события, поведенческими паттернами, выводами и т. д. Процесс собирания и классификации событий и реакций на них заканчивается определенными выводами. Эти выводы служат

основой для рекомендаций и принятия решений в будущем, для этого они упаковываются в законы, правила, кодексы, артикулы, советы и пр. Человек или группа людей в поисках правильного решения возникающих ситуаций ищут и находят соответствие события прежнему опыту, после чего поступают, отталкиваясь от написанного нарратива. В других случаях, когда соответствующего совета, рекомендации, готовой рефлексии у социума нет, приходится запускать алгоритм создания такого нарратива, который бы связал новое событие, наблюдаемое в публичном пространстве, с прошлыми опытами, объяснил бы происходящие и выработал бы рекомендации по оптимальной рефлексии. Создание текста как основы социальной реальности, инициированное возникновением события, должно быть наблюдаемо прямо или косвенно всеми членами социума. Возникает ситуация, представляющая собой значимое для социальной реальности изменение состояния. Социальная реальность отражает действительность неточно, с некоторой ошибкой. Это связано с несовершенством восприятия и понимания реальности людьми и обществом. Социальная реальность стараниями ее участников стремится предельно точно описать действительность, тем не менее постоянно появляются новые открытия, события и смыслы, показывающие различие между конвенциональным миром социальной реальности и действительностью.

Общий алгоритм конструирования новой реальности состоит из нескольких этапов. В нулевой стадии конструирования присутствует культура как система отобранных тысячелетиями персональных и коллективных опытов, алгоритмов реакций и коллективного принятия решений. Эту систему в каждого приходящего члена социума загружают в первую очередь. До такой загрузки человек не считается полноценным участником социальной реальности. Мы можем это наблюдать в процессах обучения и инкультурации детей. Ребенку для вхождения в социум требуется сдать экзамен на «зрелость», продемонстрировать полноценное понимание предыдущего опыта. Другой пример: иностранец как представитель другой культуры должен пройти обучение, сдать

формальный или неформальный экзамен на понимание социальной реальности того социума, в котором он планирует быть. Процессы самоконтроля социума, постоянные тесты на соответствие общему мнению уходят корнями в животную стадную, стайную природу человека [14], обеспечивают социальную и физическую безопасность. Источником формирования нового элемента социальной реальности может послужить событие природного или антропогенного характера. Под его воздействием происходит эмоциональный всплеск [15], возникает необходимость обсудить персональные реакции и сложить из них коллективную. Причины эмоциональной реакции могут быть различными, самые основные продиктованы животными рефлексам, связанными с домом, семьей, пищей, сексом, безопасностью. При этом реакция может быть различная по эмоциональному значению: от безразличия до паники. Процессы складывания коллективного решения опираются на алгоритмы персонального восприятия. Эти процессы подробно описаны многими исследователями, например А. Г. Черняковым [16]. В зависимости от индивидуального уровня развития каждого члена социума, их персонального опыта создается множество реакций на сигнал. Далее обработка сигнала проходит различные пути, и эти пути - функция, зависящая от типа социума. В идеальном обществе, где все члены равны по уровню развития и все пользуются коллективным опытом, равнодействующая возникает в результате коллективного обсуждения и математического ожидания случайной величины индивидуальных реакций. В реальной жизни уровни персонального опыта различны, как различны доступы к информации, связанные с возрастной и социальной стратификацией. В реальном обществе социальная реальность у каждого своя, также как и реальность личная. В таком случае понятие социальной реальности - это условное понятие, поскольку фактически происходит сплит реальностей, которые частично пересекаются. Место такого пересечения и есть постоянно обновляющаяся конвенциональная концептосфера. В алгоритме конструирования реальностей возникшая синхронность восприятия конкретного события или сущности требует коллективной памяти, относительно ко-

торой происходит оценка новых событий. Коллективная память должна обладать большой инерцией, чтобы не находиться в состоянии постоянной трансформации в результате внесения в нее незначительных для выживания социума событий. Такие незначительные события отсеиваются и не сохраняются. При этом коллективная память должна обладать механизмом внесения в нее значимых событий и исключению незначимых, благодаря чему сохраняется ее релевантность действительности, обеспечиваются эволюция и совершенствование. Такой памятью могут служить различные объекты культурной сферы [17], в т. ч. и тексты. Текст является результатом и формой речи, а речь является реализацией языка.

Знак и текст являются особенной формой памяти. Они составляют возможность существования социальной реальности, благодаря связанности в них сущности и события в пространстве и времени они связаны с действительностью как модель и ее верификация. Созданная модель или основа социальной реальности прописывает правила бытия элементов, составляющих множество социума. При этом как само общество, так и каждый его индивид в каждый момент своего осознанного или бессознательного бытия верифицирует отдельно взятый элемент основы и приводит его в соответствие с действительностью. Это наглядно проявляется в любой игре. Есть правила, приемы, игровая логика, а есть реальный игрок в реальном пространстве, решающий с помощью своих органов восприятия действительности реальную задачу. Подобный зазор существует между правилами поведения, законами, уставами, артикулами и реальной практикой поведения граждан. В силу конвенциональности публичных нарративов они воспринимаются как факт, как закон, как норма, как ценность. Но между нарративом и реальностью всегда существует дистанция, связанная с особенностями индивидуального или группового восприятия реальности и самой реальностью. В нарративном отражении реальности событие или сущность обретают незаконные права «реального события», подтвержденного коллективным согласием. Текому отражению приписывается значение «истинное», и оно входит в состав ядра социальной реальности. Таким образом, зазор между дей-

ствительностью и ее отражением - социальной реальностью - зависит от точности содержания объема знания в знаке, последовательности и расположения знаков во времени и пространстве. Как бы точны ни были авторы, всегда возникающий зазор представляет собой основу для вариативного толкования текста, следовательно, дает место для реализации индивидуальной и групповой интенции, манипуляции [18].

С точки зрения Дж. Серля, людям, как и некоторым животным, свойственна интенциональность действий, которые он называет агентивными (явными) и неагентивными (латентными), при этом коллективные интенции связаны с совместным опытом достижения желаемой цели [19]. Подобных взглядов придерживаются также М. Хайдеггер и Э. Гуссерль. Поскольку социальная реальность стремится к действительности, но никогда ее не достигает, то это повод для перестройки старого восприятия и место для фейковых реальностей. Г. Г. Почепцов утверждает: «Вбрасываемая в массовое сознание сконструированная информация формирует схемы восприятия иных последующих сообщений. Им уже труднее пробиться, поскольку сформированы определенного рода информационные фильтры» [20].

В наррации присутствует пропозиция, жизненный опыт и перформатив автора [21]. Возникающая неоднозначность, зазор в интерпретации действительности становятся основой для идентификации личности и группы, группы и общества. В этом пространстве возникают художественные произведения: литература, кино, театр, игры и пр. [22]. Социально-культурная сфера представляет собой (в отличие, например, от деловой сферы) наиболее субъективное отражение действительности социальной реальностью. Но при этом в этом фантазийном, художественном пространстве могут возникнуть описания желаемого будущего, некоторые идеи и идеалы, по отношению к которым будут себя ориентировать и отдельные персонажи, и группы персонажей. Интенция создает ценности и создается ценностями. Таким образом, в зазоре между действительностью и реальностью создаются глубоко интенциональные теории социальной справедливости (например, Дж. Адамса или Дж. Ролза). По мере

одобрения кристаллизации таких интенций в социальной памяти они институционализируются и становятся заповедями, законами. Пространство между концептом реальности и реальностью может содержать несколько противоречивых векторов консолидации [23], между которыми создается территория для маневрирования. Все то, что не смогло оформиться в виде императивов, может надолго остаться в латентной форме, в архетипическом сознании в виде легенд, анекдотов, поговорок, былин, мифов. В этом месте сочетаются контрадикторные понятия, формируются бренды, фантазийные сюжеты вымышленной истории, технологии soft power, такие как символическая политика [24].

В реальном социуме конструирование социальной реальности происходит в условиях взаимного влияния интенций отдельных лидеров или групп людей (об этом подробно изложено в работах Ф. Brentano, Э. Гуссерля, Дж. Серля и других исследователей [25]). В результате этого в текстах проявляется манипуляция - перформатив. Эта манипуляция преследует различные цели: обучение и инкультурацию новых членов в социум, обеспечение оптимизации производства и распределения товаров и услуг, захват и удержание власти или жизненных ресурсов и т. д.

Как было показано, конструирование социальной реальности связано с речью и текстом. Они создаются отдельными авторами, группами авторов и выносятся на публичное обсуждение. Обсуждение в публичном пространстве переплавляет отдельные идеи и сюжеты в единую, непротиворечивую картину мира. Процесс создания социальной реальности - явление, происходящее в публичном пространстве, источником которого становятся события в действительности, а результатом - дескриптивное определение окружающего мира. Это совместная работа, попытка договориться о единой перцепции и рефлексии. Как уже было сказано, действительность и социальная реальность следуют друг за другом, как оригинал и оттиск. Когда нельзя построить непротиворечивую картину мира, сочетать и объяснять явления в окружающем пространстве, наррация переходит в мифотворчество, создавая желаемые реальности с желаемой логикой взаимодействия сущностей и событий. Это может

быть фантастическая, игровая, мифологическая, религиозная, трансцендентная и другая реальность. Эта гибкость и универсальность наррации позволяет интегрировать желаемые несуществующие свойства в социальную реальность и придавать им свойства факта. В результате селекции различных сюжетов, множественных возвратов, повторов, уточнений коллективное описание реальности может локализоваться в кратких поучительных рассказах, историях, приводящих реальные и фантастические примеры поведения в реальных и фантастических обстоятельствах (сказки, мифы, былины, священные писания и пр.). Новые события в реальной жизни через такую абсорбцию обогащают нарративы и язык новыми опытами и словами, знаками, устойчивыми оборотами речи. Малоиспользуемые примеры, знаки или сюжеты постепенно выводятся из активного центра языка и выходят из употребления. Результатом длительной селекции и выдержки становится текст как инструкция для обучения и воспитания на другом примере.

Возникшие в результате такой переплавки нарративы принимаются обществом за основу дальнейшей генерации реальности, опору для выстраивания нормативно-ценностных поведенческих паттернов отдельно взятых людей и общества в целом. Каждый участник социума неизбежно начинает мыслить словами и текстами публичных нарративов. При этом у некоторых членов социума возникают наррации, отличные от групповых, но в любом случае публичные нарративы вносят свой вклад в формирование личного мировоззрения. «Нарративы играют ключевую роль в смыслообразовании, социально-культурных практиках, формировании идентичности личности» [26].

Наличие перформативного начала в наррации определяет его явную или латентную цель - привести слушателя, зрителя, читателя к определенному состоянию выбора и подтолкнуть его к принятию необходимого решения.

Нарратив после социального одобрения становится каноном, идентификатором конкретного социума, его коллективной подписью под изложенном в нем наборе норм и ценностей. Нарратив после принятия

замораживается, становится неприкосновенным для внесения корректив в его форму или содержание, сакральным, поскольку любой автор, попытавшийся изменить подобный текст, бросает вызов всему консолидированному обществу. Нарратив становится отправной точкой в спорах, примером для обучения, к нему обращаются за решением ежедневных вопросов, его используют в упрощенном виде как инструкцию к поступку. Алгоритм создания смыслообразующего повествования можно представить в виде последовательности «событие — реакция — возникновение ситуации — сравнительный анализ — синтез — заключение — нарратив». В алгоритме создания перформатива часто используются сокращенные рассуждения - энтимемы и эпихейремы, редуцирующие полный процесс нарратогенеза до алгоритма «событие - совет». Происходит генерация рекомендаций, экономящих время и мыслительные процессы. Поэтому нарративы и содержащиеся в них перформативы востребованы, они создают эргономический путь, избавляют индивида и социум от выбора. В случае когда принятый нарратив нарушается отдельно взятым персонажем или группой лиц, общество выражает ему свое недовольство, порицание и даже преследует его в рамках закона. Поэтому управление нарративом напрямую связано и с *polices*, и с *politics*.

Конструирование социальной реальности - постоянно обновляющийся процесс, необходимый для цивилизованного существования общества. Поскольку этот процесс существует только в пространстве публичных коммуникаций, главное его свойство - это существование внутри социальной семиотики, в частности в языке, речи, тексте. При этом текст представляет собой основную форму существования социальной реальности. Нарративы - это многофункциональный инструмент, но основной его задачей является постоянное отражение действительности и строительство социальных реальностей. Нарративы обладают большими возможностями в силу их внутреннего перформативизма. Таким образом, события и нарративы связывают действительность и социальную реальность на том понятийно-смысловом уровне, на котором существует конкретный социум. В силу этого одни и те же события могут иметь в

истории разные смыслы, например восход Солнца до открытия Галилея и после.

Нарратив формирует коллективное восприятие действительности, законы, интенции, алгоритмы принятия решений, нормирует поведенческие паттерны, делит воспринимаемый мир на «важное» и «второстепенное». Общественное мнение, закрепленное в нарративах, определяет новостной потенциал события, голосуя своим вниманием или игнорированием. Наррация определяет и генерирует социальную реальность, которая, в свою очередь, определяет наррацию, замыкая круг.

Список литературы

1. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999. С. 494–505.
2. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Блиц, 1999. С. 147–165.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
5. Герасимов С. В., Тульчинский Г. Л. События как семантическая основа конструирования реальности: перспективы перехода к динамической онтологии // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9. № 3. С. 5–24.
6. Bergson, H. *The Creative Mind: An Introduction to Metaphysics*. New York: Philosophical Library, 1946. 252 p.
7. Whitehead, A. N. *Essays in Science and Philosophy*. New York: Philosophical Library, 1947. 348 p.
8. Спиноза Б. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Изд. 2-е. СПб.: Наука, 1999. 629 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: AdMarginem, 1997. 452 с.
10. Бадью А. Метаполитика: можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. М.: Логос, 2005. 240 с. С. 53–54.
11. Лотман М. Ю. Структура художественного текста. М.: Издательство «Искусство», 1970. 383 с.
12. Аристотель. Метафизика. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.
13. Ницше Ф. Черновики: июнь-июль 1885 / Под ред. А. А. Гусейнова // Собр. соч. В 13 т. М.: Культурная революция, 2013. Т. 11. 537 с.

14. Риццолатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания / Пер. с англ. О. А. Кураковой, М. В. Фаликман. М.: Языки славянских культур, 2012. 208 с.
15. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 347 с.
16. Черняков А. Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб: Изд-во ВРФШ, 2001. 460 с.
17. Тульчинский Г. Л. Историческая память в символической политике и информационные войны. Философские науки. 2015. № 5. С. 24–33.
18. Gerasimov, S. Development of manipulation technologies. Philosophy of Science. 2016. Vol 83. No. 5. Pp. 1523–1532.
19. Серль Дж. Р. Конструирование социальной реальности / пер. с англ. СПб.: Питер, 1999. 242 с.
20. Почепцов Г. Г. Информационно-психологическая война. М.: СИНТЕГ, 2000. 180 с.
21. Герасимов С. В. Формирование нарратива из перформатива в публичных коммуникациях // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11. № 1. С. 34–49.
22. Gerasimov, S., Tereshchenko, P. Public narratives in modern Russian cinematography // Russian Journal of Communication. 2020. Vol. 12. No. 1. Pp. 32–47.
23. Герасимов С. В. Векторы концептуализации реальности // Человек. Культура. Образование. 2017. № 3 (25). С. 107–116.
24. Герасимов С. В. Инструменты формирования символической политики // Социально-политические науки. 2016. № 2. С. 77–83.
25. Современная социальная философия / Под общ. ред. Т. Х. Керимова. Екатеринбург: Изд-во Урал. федер. ун-та, 2016. 156 с.
26. Тульчинский Г. Л. Оценочно-эмоциональные факторы смыслообразования: нормативно-ценностные паттерны нарративов культуры // Человек. Культура. Образование. 2018. № 4 (30). С. 175–193.

References

1. Castells, M. Formation of the Society of Network Structures // New Post-Industrial Wave in the West. Moscow, 1999. Pp. 494–505.
2. Likhachev, D. S. The Conceptosphere of the Russian language // Essays on the Philosophy of Art. St. Petersburg: Blits, 1999. Pp. 147–165.
3. Berger, P., Luckmann, T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Moscow: Medium, 1995. 332 p.
4. Bakhtin, M. M. Aesthetics of Verbal Creativity. Moscow: Iskusstvo, 1979. 424 p.

5. Gerasimov, S. V., Tulchinskiy, G. L. Events as a Semantic Framework for the Construction of Reality: the Prospects of a Transition to a Dynamic Ontology // Slovo.ru: Baltic Accent. 2018. Vol. 9. No. 3. Pp. 5–24.
6. Bergson, H. The Creative Mind: An Introduction to Metaphysics. New York: Philosophical Library, 1946. 252 p.
7. Whitehead, A. N. Essays in Science and Philosophy. New York: Philosophical Library, 1947. 348 p.
8. Spinoza, B. Works. In 2 vols. Vol. 2. 2nd ed. St. Petersburg: Nauka, 1999. 629 p.
9. Heidegger, M. Being and Time. Moscow: AdMarginem, 1997. 452 p.
10. Badiou, A. Metapolitics: May a Politician Think? A Brief Treatise on Metapolitics. Moscow: Logos, 2005. 240 p. Pp. 53–54.
11. Lotman, M. Yu. The Structure of the Literary Text. Moscow: Iskusstvo, 1970. 383 p.
12. Aristotle. Metaphysics. Moscow: St. Thomas Institute of Philosophy, Theology and History, 2006. 232 p.
13. Nietzsche, F. Drafts: June—July 1885 / Edited by A. A. Guseynov // Works. In 13 vols. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya, 2013. Vol. 11. 537 p.
14. Rizzolatti, G., Sinigaglia, S. Mirrors in the Brain: How Our Minds Share Actions, Emotions, and Experience / Translated from English by O. A. Kurakova and M. V. Falikman. Moscow: LRC Publishing House, 2012. 208 p.
15. Inglehart, R. Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World. Moscow: Mysl, 2018. 347 p.
16. Chernyakov, A. G. Ontology of Time. Being and Time in the Philosophy of Aristotle, Husserl, and Heidegger. St. Petersburg: St. Petersburg School of Religion and Philosophy, 2001. 460 p.
17. Tulchinsky, G. Historical Memory in the Symbolic Politics and Information Wars. Russian Journal of Philosophical Sciences. 2015. No. 5. Pp. 24–33.
18. Gerasimov, S. Development of manipulation technologies. Philosophy of Science. 2016. Vol 83. No. 5. Pp. 1523–1532.
19. Searle, J. R. The Construction of Social Reality. St. Petersburg: Piter, 1999. 224 p.
20. Pocheptsov, G. G. Informational and Psychological War. Moscow: SINTEG, 2000. 180 p.
21. Gerasimov, S. V. The Formation of the Narrative and the Performative in Public Communication // Slovo.ru: Baltic Accent. 2020. Vol. 11. No. 1. Pp. 34–49.
22. Gerasimov, S., Tereshchenko P. Public narratives in modern Russian cinematography // Russian Journal of Communication. 2020. Vol. 12. No. 1. Pp. 32–47.

23. Gerasimov, S. Vectors of the Conceptualization of Reality // Human. Culture. Education. 2017. No 3 (25). Pp. 107–116.

24. Gerasimov, S. V. The Formation of Symbolic Policy Tools // Sociopolitical Sciences. 2016. No. 2. Pp. 77–83.

25. Modern Social Philosophy / Edited by T. Kh. Kerimov. Yekaterinburg: Ural Federal University, 2016. 156 p.

26. Tulchinskii, G. L. Estimating and Emotional Factors for Meanings Generation: Normative-Value Patterns of Cultural Narratives // Human. Culture. Education. 2018. No. 4 (30). Pp. 175–193.